

К. Б. ВИНОГРАДОВ, Е. Б. ШАРЫГИНА

Уинстон Черчилль: молодые годы

<Фрагмент>

Осенью 1899 г. вспыхнула война между Великобританией и двумя республиками Южной Африки — Трансваалем и Оранжевой. Буры прочно захватили инициативу. Вскоре в одной из стычек к ним в плен попал молодой журналист Уинстон Черчилль. Отпрыск рода Мальборо, сын крупного политика, он уже был известен своими военными корреспонденциями из Индии и Судана. В декабре 1899 г. Черчиллю удалось бежать из тюрьмы. Его побег из Претории стал мировой сенсацией, обеспечив Уинстону победу на выборах в парламент 1900 г. В судьбе молодого человека произошел решительный перелом — до той поры его жизнь была связана с армией и журналистикой, теперь политическая деятельность стала занимать в ней доминирующее место.

Черчиллю посвящены бесчисленные сочинения британских и других авторов; поток их не иссякает. Недавно опубликованы два объемистых сборника, из которых последний вызывающе озаглавлен «Черчилль как миротворец»*. В отечественной литературе несколько раз издавалось содержательное исследование ныне покойного академика В. Г. Трухановского**. В нем, как

* *Churchill. A Major New Assessment of His Life in Peace and War. Ed. by R. Blake and W. R. Louis. Oxford, 1993; Churchill as Peacemaker. Ed. by Y. W. Muller. Cambridge, 1997.*

** *Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1968 (4-е, последнее, издание. М., 1989).*

и в подавляющем большинстве книг, изданных за рубежом, первая часть жизни выдающегося государственного деятеля описана очень кратко. Авторы предлагаемого очерка, затронув «детство и отрочество» Черчилля, более подробно останавливаются на его службе в кавалерии, участии в боях, формировании политических взглядов; дается оценка Черчилля как публициста и романиста. Показаны и первые шаги Уинстона-парламентария.

Превосходной базой для написания данного очерка явились книги Черчилля, изданные в 1898–1902 гг., и его позднейшая автобиография. Ценнейшим подспорьем послужили различные тексты, в особенности пространные письма Уинстона матери, включенные в составленную Рэндольфом Черчиллем биографию отца. Учтены воспоминания современников Черчилля, а также ранее не известные свидетельства и документы, обнаруженные авторами вышеупомянутых сборников.

Уинстон садится на коня

Уинстон Черчилль родился в старинном дворце герцогов Мальборо в Бленхейме 30 ноября 1874 г. Через много десятилетий он посвятит пространное сочинение Джону Черчиллю, полководцу и политику, основоположнику этого знатного рода. В войнах конца XVII — начала XVIII в. первый герцог Мальборо одержал немало побед, хотя терпел и поражения; при королеве Анне генерал и его властная супруга нередко определяли государственный курс, сколотили разными способами изрядное состояние.

Все герцоги последующих поколений не оставили о себе доброй памяти. Пожалуй, судьба династии Мальборо могла бы стать примером упадка и разложения британской аристократии, а также изобретенных новых способов поддержания материального благополучия. В 70–80-е гг. XIX в. Мальборо продали свою прославленную коллекцию картин «Старых мастеров» и библиотеку; часть земель купил у них нувориш Ф. Ротшильд. Восьмой герцог Мальборо — дядя Уинстона — с юных лет отличался разнузданным поведением. Исключенный из привилегированного лица Итона, он и в дальнейшем неизменно нарушал нормы общественного поведения; скандальная связь с замужней дамой привела его даже к социальной изоляции. И в 1882 г. глава ка-

бинета Уильям Гладстон категорически обобщил: все Черчилли «лишены морали и принципов»*.

Характерной чертой английской элиты долгое время оставались браки внутри небольшого круга высокородных семейств, изредка перемежавшиеся брачными союзами с представителями набиравшей силу буржуазии. Отец Уинстона лорд Рэндольф предложил оригинальное решение, женившись на дочери состоятельного бизнесмена из США. Сей трансатлантический вариант оказался заразительным: так, восьмой герцог Мальборо после развода тоже подыскал американскую богачку, а его старший сын женился на дочери миллионера Вандербильда. Только эти браки помогли герцогам избежать разорения. С 80-х годов американские наследницы вошли в моду — за ними потянулись Джозеф Чемберлен, маркиз Керзон и другие.

Подобно старшему брату-герцогу, Рэндольф Черчилль прославился эксцентрическими поступками: учась в Оксфорде, проигрывал крупные суммы в карты, злоупотреблял алкоголем, позже безудержно увлекался скачками. Приданое жены лорд быстро растратил, и уже в начале 80-х годов семья погрузилась в долги. Биографы приписывают Рэндольфу известный авантюризм и как политику. Р. Черчилль признан одним из основателей «торийской демократии» — приспособления консервативной партии к новой обстановке, вызванной ростом численности электората и повышением сознательности трудящихся. «Торийская демократия, — пояснял лорд Рэндольф — это демократия, призванная поддержать торийскую партию»**. Он считал необходимым показать, что эта партия заботится об интересах всего населения; Черчилль задумывался над способами интеграции рабочего класса в существующую систему, рекомендовал отказаться от вельможного пренебрежения к потребностям и мнениям простых людей. Все это противоречило политике премьера Солсбери, с которым Рэндольф соперничал в борьбе за лидерство и затем был вынужден уйти в отставку***.

Уинстон Черчилль в выступлениях еще с конца XIX в., а затем в апологетической биографии отца неизменно подчеркивал его

* Churchill. A Mayor New Assesement, p. 10.

** Цит. no: *Guedalla Ph. Mr. Churchill. A Portrait.* London, 1941, p. 26.

*** См. подробнее: *И. М. Узнародов.* Лорд Рендольф Черчилль и торийская демократия. Викторянцы. Ростов-на-Дону, 1996.

заслуги как инициатора «народной демократии». На кругозор и ориентацию молодого Уинстона повлияло и обращение лорда Рэндольфа к проблемам заморской политики. Поездка отца в Индию и Южную Африку, его заметки на колониальные темы, публиковавшиеся в лондонской «Дейли график», нацеливали на «имперские» дела, предвосхищали первые аналогичные статьи Уинстона. Одним из лейтмотивов деятельности сына станет завет отца еще середины 80-х годов: надо «с особенным вниманием и решительностью» беречь Индию в составе империи*.

Дженни Джером, мать Уинстона, получила хорошее образование, ряд лет провела во Франции, приобретя парижский шарм и прочную тягу к роскоши и развлечениям. Не без сложностей после замужества шел процесс ее приобщения к британской элите. Вокруг эффектной, темпераментной женщины возник кружок денди-бездельников. Светские рауты, балы и курорты требовали непрерывных финансовых вливаний. Детям — Уинни и родившемуся через несколько лет Джеку — мать уделяла не слишком много внимания. А отец, отброшенный от руководящих постов, все больше замыкался в себе и совсем редко общался с сыновьями. Тщетно пытаясь поправить пошатнувшееся здоровье, Рэндольф много путешествовал (вместе с Дженни он побывал и в России).

Уинни предоставили заботам няни-воспитательницы, миссис Эверест, и он очень привязался к ней. Никакого рвения в освоении элементарных знаний, получаемых первоначально дома, мальчик не обнаруживал. Арифметика и латынь представлялись ему сущим наказанием. Куда интереснее было играть в солдатики или в мяч. В детстве Уинни часто болел. Это стимулировало решение родителей отдать его не в Итон, а в менее престижную «публичную школу» — Харроу, расположенную в более «здоровой» местности. Приемные экзамены мальчик сдавал плохо и был зачислен «по протекции». Никакого усердия Уинстон не проявлял и позже, его конфликты с преподавателями стали постоянными. «Почему-то учителя предпочитали задавать вопросы о таких вещах, о которых я не мог дать удовлетворительного ответа, — вспоминал он. — Мне бы понравилось, если бы меня спрашивали о том, что я знаю. А они норовили спросить то, чего я не знал». Летом 1888 г. один из преподавателей, мистер Дэвидсон, вынужден был написать леди Рэндольф, что юноша

* *Guedalla Pli.* Op. cit., p. 33.

«блещет» такими качествами, как «забывчивость, небрежность и распушенность»*.

По словам воспитанника Харроу Дж. Уолстена, Уинстон «решительно отвергал все, что его не интересовало»**. Обладая великолепной памятью, он легко заучивал целые сцены из Шекспира — литература ему нравилась; Уинстон и сам начал сотрудничать в ученической газете. Но прежде всего юношу влекло все, что требовало расхода накопившейся энергии, будь то велосипед, плавание или фехтование. В 1892 г. он выиграл два турнира по фехтованию. Особенно много времени Уинстон отдал занятиям и практике в школьном «стрелковом корпусе», с энтузиазмом отдавался и военным играм, устраивавшимся в Харроу.

В 1889 г. отец пришел к выводу, что Уинстон просто не способен совершить традиционный путь получения юридического образования; раз ему интересны оружие и «солдатики» — пусть готовится в военное училище. В сентябре этого года юноша стал заниматься в «армейском классе», существовавшем при школе Харроу.

Королевский военный колледж в Сандхерсте, основанный в 1799 г., являлся главной базой подготовки офицеров пехоты и кавалерии. Для поступления в него требовалось сдать пять экзаменов, включая математику. Первая попытка Уинстона окончилась провалом, и в следующий раз — летом 1892 г. — он снова не попал в число отобранных для поступления. Эти провалы побудили лорда Рэндольфа подумать об альтернативе: не направить ли сына «в бизнес». А у Уинстона мелькнула мысль податься в священники!

В биографии отца Рэндольф Черчилль-младший полемизирует с ходившей в свое время версией о некоей природной «тупости» Уинстона-подростка. Нет! Когда тот по-настоящему чем-то интересовался, он уже мог добиваться необходимых результатов. Действительно, к 17–18 годам молодой человек не только физически окреп, но и обрел определенную самостоятельность. Вдали от родителей он становится на собственные ноги, — утверждал Р. Черчилль***. И поскольку военная профессия увлекала Уинстона, он «взял» Сандхерст с третьей попытки в 1893 г.

* Churchill W. S. My Early Life. London, 1979, p. 23; Churchill R. S. Winston S. Churchill, v. I. Boston, 1966, p. 109.

** Churchill by His Contemporaries. Ed. by Ch. Eade. New York, 1954, p. 4–5.

*** Churchill R. S. Op. cit., p. 176.

Добытые на экзаменах баллы позволили Уинстону претендовать лишь на зачисление в кавалерийский класс. Это противоречило планам лорда Рэндольфа, в частности и по финансовым причинам, связанным с покупкой лошадей и с прочими расходами. И отец вознамерился перевести сына в класс, готовящий офицера пехоты. Но встретил растущее противодействие Уинстона. Молодой человек успешно овладевал всеми навыками верховой езды, ему нравились лошади, он хотел стать кавалеристом.

«Драгуны, уланы и прежде всего гусары, как мы считали, — вспоминал Черчилль, — все еще занимали достойное место на полях сражений». «Лучше было бы родиться на сто лет раньше — какие это были великолепные времена». «Счастье, что все еще имеются дикие и варварские народы, например, зулусы и афганцы и махдисты в Судане». А быть может, «понадобится и заново завоевывать Индию»*.

Обучение в Сандхесте велось по старинке, кадеты — как после англо-бурской войны констатировала специальная комиссия — не получали должной подготовки, а «уровень предъявляемых требований» к будущим офицерам «был достаточно низкий»**. Уинстон с большим рвением выполнял все задания, как бы компенсируя свою лень в Харроу. Он неплохо сдал выпускные экзамены и был зачислен младшим офицером 4-го гусарского полка. Соответствующий приказ подписал военный министр Г. Кэмпбелл-Баннерман (в его правительстве через 11 лет Черчилль получит свой первый пост). Это случилось в феврале 1895 г., через месяц после смерти лорда Рэндольфа.

Упомянутая комиссия дала суровую оценку офицерскому корпусу Великобритании конца XIX в. Никакого «усердия» у офицеров не наблюдалось, меньше всего они заняты «военными обязанностями» и проводят много времени в полковых клубах, играют в крикет и теннис***. Субалтерн Черчилль пристрастился, правда, к другой игре — поло, затратив имевшиеся скромные средства на покупку пони. Не в первый и не в последний раз летом 1895 г. он оказался в тяжелом финансовом положении.

* *Churchill W. S. My Early Life*, p. 74, 82–83; *Thomson R. W. The Yankee Marlborough*. London, 1963, p. 66; *Weill U. und Weill O. Churchill und der britische Imperialismus*, Bd. I. Berlin, 1967, p. 78.

** Report of Committee Appointed by the Secretary of State to Inquire into the Education and Training Officers of the Army (Cd 993), 1902, p. 21.

*** Ibid., p. 29, 30.

Обремененный, как и леди Рэндольф, долгами, Уинстон искал — и нашел! — возможность подзаработать хоть немного денег.

До намеченного на 1896 г. отбытия полка в Индию офицеры вели вольготный образ жизни. Вместе с товарищем Р. Бэрнсом Уинстон собрался в поездку на Кубу через Соединенные Штаты. Когда он известил об этом мать как о деле решенном, с ее стороны последовал упрек: «Тебе следовало посоветоваться со мной!». Зная лучше сына обстановку в Нью-Йорке, она подчеркнула: жизнь там «страшно дорогая». Но главная цель Уинстона заключалась в том, чтобы побывать на «мятежном острове» в Карибском море, где кубинцы в очередной раз поднялись против испанского господства. Двадцатилетний лейтенант оказался на редкость расчетлив: от командования он добыл поручение понаблюдать за военными действиями и собрать информацию «о новых пулях» испанских ружей, через друга отца Драммонда Вольфа, посла в Мадриде, достал рекомендательное письмо военного министра маршалу М. Кампосу, наводившему порядок на восставшей Кубе. Наконец, редакция «Дейли график», помещавшая ранее путевые впечатления лорда Рэндольфа, согласилась платить по пять гиней за будущие корреспонденции его сына о военных действиях.

Уинстон и Бэрнс приплыли в Нью-Йорк 9 ноября. Их гостеприимно встретил давний знакомый семьи Джером Б. Кохрен, видный юрист и конгрессмен. Он помог молодым людям ознакомиться с общественной жизнью многоликого города. Гости посетили военную академию в Вест-Пойнте, полюбовались на грандиозный Бруклинский мост, высоко оценили разветвленные транспортные связи. Уинстон писал брату, что родина их матери населена крутым молодым народом, который, увы, не уважает «ни возраста, ни традиций»; во всех слоях общества тут сталкиваешься со «скверными манерами», а пресса отличается далекой от правды «вульгарностью»*.

По железной дороге приятели добрались до Ки-Уэста во Флориде и переправились в Гавану. 20 ноября Черчилль известил мать из кубинской столицы: «Завтра мы стартуем на фронт». Собственно фронта как такового не существовало — повстанцы вели преимущественно партизанскую войну, избегая серьезных столкновений с регулярными испанскими частями. Проехав почти половину острова, английские офицеры представились

* Churchill R. S. Op. cit., p. 254, 261.

генералу Вальдесу, командовавшему большой колонной, преследовавшей мятежников. Возле поселка Игуара в день своего рождения — ему исполнился 21 год! — Уинстон впервые услышал свист пуль. Как и Бэрнс, он являлся лишь «наблюдателем» и не имел права участвовать в операциях. Еще три дня в начале декабря британцы оставались свидетелями перестрелок. В «Письме», опубликованном в «Дейли график», Уинстон воспроизвел живую зарисовку стычки возле лесной речки: жара побудила группу офицеров искупаться, но вдруг раздались выстрелы, «кое-как мы натянули наши одежды, а один из офицеров, полуодетый, побежал и собрал около пятидесяти солдат»; они «дали залп по мятежникам», остановив их продвижение, и «мы возвратились в ставку генерала».

Вскоре Черчилль и Бэрнс покинули «фронт», а затем и Кубу. Оба несколько неожиданно получили испанский орден Красного креста; им награждались воины «за отвагу в сражении». Уинстону пришлось пояснять, что сам он «не стрелял» и лишь любезности генерала Вальдеса обязан такой чести. В английских газетах его уже подвергали нападкам — зачем он участвует в «битвах других народов», это «экстраординарно даже для Черчилля»*. В Нью-Йорке приятелей атаковали журналисты. Рассказывая о кубинских впечатлениях, Уинстон отметил такую «характерную черту»: обе стороны используют много оружия, а «жертв мало», пожалуй, в кубинской войне, чтобы убить солдата, требуется 200 тыс. пуль.

Несмотря на краткость пребывания на Кубе, Черчилль составил довольно четкое представление о происходивших там событиях. Он сочувствовал людям, боровшимся с чужеземным игом, критиковал нелепые действия колониальной администрации. Повстанцы, писал он в газетной корреспонденции, «пользуются симпатиями всего населения... требование независимости национально и единодушно». Однако кубинцы плохо организованы, воюют неудачно. С аристократическим пренебрежением представителя высшей расы взирал молодой офицер на партизанскую армию, «состоящую в основном из цветных» и напоминающую «недисциплинированный сброд»**. Наполовину американец, Черчилль склоняется к тому суждению о будущем Кубы,

* Ibid., p. 266.

** Ibid., p. 367.

за которое ратовали многие в США: опека ее великой североамериканской державой будет «лучшим курсом как для острова, так и для всего мира»*.

Никогда больше Уинстон не посетит Кубу. Но именно там у него появилась привычка, которая сохранится всю жизнь, — курение сигар. Он перенял у испанцев и другой обычай — «сие-сту» — полноценный дневной отдых.

После возвращения в Англию служба по-прежнему не обременяла молодого офицера. Черчилль становится непременным гостем на светских приемах, интересуется театральной жизнью и актрисами. Но было бы ошибочно полагать, что это время прошло бесследно; именно тогда гусарский лейтенант установил тесное знакомство со многими высокопоставленными персонами, включая принца Уэльского и будущего премьера Бальфура. Называя эти шесть месяцев «праздными», Уинстон одновременно писал, что они все же были своего рода «трамплином» для дальнейшей карьеры.

Впервые Черчилль начал внимательно следить за политическими перипетиями. Толчком послужил позорный крах «набега Джемсона» на Трансвааль в конце 1895 г., когда отряд, возглавлявшийся этим сотрудником премьера Капской колонии Сесила Родса, был окружен и разбит бурами. Мало кто сомневался, что ответственность за авантюру ложилась и на министра колоний Дж. Чемберлена. Тем не менее, кабинет Солсбери, вынужденный провести специальное расследование, ограничился полумерами — отставкой Родса, судебными инсценировками, постаравшись спустить все дело «на тормозах». Уинстон воспринял временное отступление колонизаторов болезненно: «В 21 год я был всецело за доктора Джемсона и его людей», «меня шокировало боязливое поведение нашего консервативного правительства». Он считал, что надо обязательно «отомстить» за поражение в первой англо-бурской войне 1881 г. и за новое унижение!**

Мысль о том, что политическая деятельность — истинное поприще для приложения сил, постепенно укоренилась у Черчилля. Но пока его больше всего мучил вопрос: «как расплатиться с долгами?». Хорошо было бы закрепить кубинский опыт — побывать там, где возникают вооруженные конфликты. На Крите

* Churchill R. S. Op. cit., p. 268.

** Churchill W. S. My Early Life, p. 106.

греки восстали против турецкого ига — нельзя ли отправиться туда корреспондентом? Редакция «Дейли график» вежливо соглашалась получать его сообщения, но поездка — «за свой счет». По разным причинам не удалось и попытки присоединиться к экспедиции в Судане и карательному отряду в Матабелеленде. Лихорадочные усилия лейтенанта Черчилля в конце концов стали известны военному министру маркизу Ленсдауну, и тот в письме леди Рэндольф напомнил, что ее сын все-таки служит в армии Ее Величества и «было бы благоразумным в данное время покинуть Англию». Именно так и поступил молодой человек, отплыв вместе с товарищами по оружию в Индию в сентябре 1896 г.

В Индии. Первые книги

Британскую Индию конца прошлого века составляли территории нынешних республик Индия, Пакистан и Бангладеш. Лишь немногие местные феодалы в этой бесправной колонии располагали землями и богатствами, опираясь в своих псевдогосударствах на прямую поддержку британских войск. После подавления большого восстания конца 50-х годов XIX в. обстановка долгое время была для колонизаторов благоприятной. В 80–90-е годы «освоение» богатств индийского субконтинента ускорилося, интенсивнее использовалась дешевая рабочая сила. В Индии создавались предприятия обрабатывающей промышленности, прокладывались железные дороги, росли города. Однако хозяйничание иноземцев отнюдь не устраняло стародавние бедствия народа, периодически наступал голод. Страшный голод постиг страну 1896–1897 гг. — жертвами его стали сотни тысяч бедняков.

Эти трагические события, как и поднимавшаяся новая волна национально-освободительного движения, остались вне поля зрения гусарского офицера Черчилля, в письмах на родину он жаловался, что не имеет информации касательно индийских дел. Правда, особого желания получить ее он и не проявлял. С «туземцами», если не считать «обслуги», офицеры не общались, «новости» черпали из английских газет, доходивших сюда с большим опозданием.

Уинстону повезло: его полк разместился в Бангалоре, в Южной Индии. «Климат очень хороший, — сообщал он матери. — Солнце в полдень умеренное, а утром и вечером свежо и прохладно.

Хьюго, Бэрнс и я поселились в прекрасном розово-белом особняке посреди большого и красивого сада». Из слуг для каждого из младших офицеров полагались «дворецкий, прислуживающий за столом, два мальчика-прислужника, приставленный к каждой лошади смотритель и помимо этого два садовника, три водоноса и один сторож — для всех вместе»*. На первых порах такой колониальный комфорт вполне устраивал Уинстона. Поскольку свободного от военной муштры и «боевой подготовки» времени было много, можно было предаваться любимому занятию — игре в поло — «императору игр».

Беспечная жизнь позволяла Уинстону проводить много времени в обществе красивой девушки Памелы Плауден, дочери крупного чиновника в соседнем Хайдерабаде. Ловля бабочек и разведение роз тоже занимали лейтенанта. Но деятельная натура брала свое, требовала напряжения физических и умственных сил. Как ни привлекательно кататься на слонах с цветущей молодой особой или любоваться коллекцией экзотических бабочек — это не для него! Уинстон не приноровился к столь бесплодному существованию. И он решил порвать с ним.

Прежде всего, он решил заняться самообразованием. Массу имевшихся пробелов можно было кое-как залатать с помощью чтения. И он принялся читать — книги по истории и философии, политические справочники и ежегодники. «Если “Эннюел реджистер” вооружает меня острым мечом, то Маколей, Гиббон, Платон и другие призваны потренировать мои мускулы, чтобы эффективно владеть ими», — писал он матери. Пожалуй, в этой громкозвучной фразе мы уже чувствуем воздействие прославленного стиля классиков британской историографии — с первых своих литературных опытов Черчилль следовал заветам Гиббона и Маколея.

Биографы спорят, когда же Уинстон задумал написать большое произведение. Видимо, это произошло весной 1897 г. Удивительным образом молодой лейтенант решил сочинить роман. Позже он опубликовал множество книг — путевые впечатления, биографии предков, мемуары, сборники речей, четырехтомную «Историю народов, говорящих по-английски». Среди них как бы затерялось его единственное художественное произведение, ныне мало кому известное — роман «Саврола. История революции

* Churchill R. S. Op. cit., p. 377.

в Лаурании». Между тем, именно в нем довольно многословно Черчилль уже формулировал свое понимание главных тенденций общественного развития конца XIX в., высказывал суждения о нравственных основах государственного устройства.

«Саврола» — сугубо политический роман, отклик на сложные события и потрясения 90-х годов. Такого рода сочинения, включая утопии и антиутопии, пользовались спросом читателей. Например, Герберт Уэллс в романе «Когда спящий проснется» (1899 г.), заглядывая в далекое будущее, одновременно остро критиковал современные порядки, вызывающие законное недовольство трудового люда. А в 1894 г. популярный романист Энтони Хоуп опубликовал «Пленника Зенды», в котором действие развивалось и вымышленной стране «Руритании». Черчилль, несомненно, прочитал «Пленника» и даже поместил свою «Лаурацию» к северу от «Руритании».

Лаурация, расположенная где-то в Средиземноморье, владеет колониями, имеет мощный флот и армию, соперничает с Великобританией. Имена «действующих лиц» — португальские, итальянские, немецкие. Однако многое в государственном строе и обычаях напоминает Англию, а главный герой, молодой политик Саврола — самого Черчилля. Кабинет Савролы обставлен по вкусу Уинстона, на полках его любимые писатели. Бесчисленные монологи Савролы — выражения мнений автора о «текущей политике», прогнозы на будущее. В Лаурании правит диктатор Антонио Молара, презирующий парламентаризм. Черчиллю импонирует эта сильная личность. Но все же демократию здесь надо восстановить; лидером «Национальной партии» становится Саврола. «Мы сражаемся за конституцию и обязаны показать уважение ее принципам, — восклицает он. — Если правительство держится только на штыках — это анахронизм!» Саврола-Черчилль пренебрежительно относится к профсоюзам, которые его поддерживают, к простым людям, «глупому народу». В одном случае он признается: «благо народа» не слишком его волнует, «от самого себя он не мог скрыть», что вовсе не оно определяло его поступки, «амбиция была мотивирующей силой, и он был бессилен ей сопротивляться».

Саврола выступает сторонником гуманных методов политической борьбы, стремится удержать революцию «в рамках конституции». Но вместе с ним действуют экстремисты, почему-то с немецкими фамилиями: анархист Крейце и коммунист III. Стрелиц.

Они срывают планы Савролы организовать «революцию без слез». Молодой Черчилль уже высказывал достаточно четкие антикоммунистические взгляды!

Роман открывается сценой митинга у президентского дворца; его жестоко разгоняют войска, и на площади «остается сорок трупов». В описаниях последующих уличных боев и свержения диктатора автор обнаруживает бесспорный литературный талант. Однако любовная линия романа — в Савролу влюбляется жена президента, красавица Люсиль — полна мелодраматических повторов: Черчилль беспечно следовал дурным образцам, господствовавшим тогда в беллетристике. Счастливо избежав пули диктатора, Саврола бежит за границу. В финале романа звучит мажорный мотив: благодарная страна еще призовет героя.

В автобиографии Черчилль писал о своем произведении: «Я настойчиво советовал друзьям не читать его». Он и в 90-е годы признавал незрелость этого опуса и сомневался в целесообразности его публикации. К осени 1897 г. роман был почти готов, но автор отложил его шлифовку и завершение. И в следующем году, несколько раз возвращаясь к нему, Уинстон так и не довел дело до конца. И только в 1899 г., уже прославившись как военный корреспондент, он передал рукопись в «Макмилланс мэгезин» — редакция этого журнала предложила щедрый гонорар; отдельной книгой «Саврола» вышел в свет в 1900 г. Читатели и рецензенты встретили его сдержанно; «Таймс» справедливо подчеркнула: «Мистер Уинстон Черчилль является хорошим военным журналистом, но не романистом»*.

«Саврола» оказался третьей книгой Черчилля. Первой же стал сборник корреспонденций «Повесть о Малакандской полевой армии» — результат пребывания Уинстона в зоне боев на северо-западной границе Индии в сентябре-октябре 1897 г.

Как уже отмечалось, после Кубы Уинстон пытался попасть и в другие «горячие точки». Весной 1897 г. он собрался на Балканы, где началась греко-турецкая война. Увы, она закончилась до его прибытия. Только осенью этого года знакомый по Лондону генерал Б. Блоуд, назначенный командующим карательной экспедиции против патанских племен, помог Черчиллю получить место корреспондента, прикомандированного к одной из посланных к границам Афганистана бригад.

* Цит. по.: *Mendelsohn P. The Age of Churchill. London, 1961, p. 116.*

На протяжении многих десятилетий XIX в. Великобритания последовательно вела «политику продвижения» с индийского плацдарма в северо-западном направлении. В ходе ее осуществления произошли две войны с Афганистаном, а в Британскую Индию насильственно включили несколько горных областей, населенных патанами и другими свободолюбивыми племенами. В 90-е годы столкновения в этом регионе возникали регулярно. Местная администрация в Калькутте использовала ситуацию, выбивая дополнительные суммы на постройку укреплений, а также для давления афганского эмира.

Восстание патанов, начавшееся в июле 1897 г., приняло такой размах, что на его подавление военные власти бросили три бригады и стали подтягивать резервы. Развернувшиеся в августе схватки окончились для англичан успехом, в боях наступила пауза. Как раз тогда, 2 сентября, Черчилль доехал до штаб-квартиры генерала Блоуда, помышляя о непосредственном участии в операциях. Вскоре сражения возобновились почти на самой границе с Афганистаном. Против чужеземцев поднялось племя мамундов — его поддержали и остальные пограничные народы.

Перешедшие в наступление британские войска включали и эскадрон улан, к которому присоединился военный журналист Черчилль. 16 сентября произошло его подлинное боевое крещение — в одной из долин английский отряд атаковали «туземцы», он оказался в тяжелом положении и понес значительные потери. Переправляя при посредстве леди Рэндольф свои корреспонденции в лондонскую газету, Уинстон 19 сентября дополнительно живописал опасности, каким он лично подвергся, чудом «избежав близкой гибели»: взяв ружье у раненого солдата, храбрый лейтенант «выстрелил 40 раз... я не вполне уверен, но, полагаю, попал в четырех людей». Ужасы войны потрясли молодого человека, но он проявил стойкость и мужество. Признавшись в письме брату, что в школе он не раз трусил, Черчилль подчеркивал: «Главная моя амбиция — завоевать репутацию личной храбрости»*.

18 сентября Уинстон снова попал под огонь, но на сей раз британцы отделались легко. Он участвовал в нескольких других небольших стычках, заменив в пехотном полку выбывшего офицера. Это был Пенджабский полк, сформированный из мест-

* Churchill R. S. Op. cit., p. 345–346.

ных жителей, Уинстон не упустил случая отписать на родину, что является первым английским офицером, приданным этому туземному полку. Затем большую часть воевавших войск отвели в Малакандский лагерь, а лейтенант Черчилль, отпуск которого из Бангалора кончился, вернулся к своим гусарам.

О действиях «Малакандской армии» Черчилль написал 15 корреспонденций в лондонскую «Дейли телеграф», продублировав их и для аллахабадского «Пионера». В Лондоне об их публикации договорилась леди Рэндольф, обусловив подпись — «Молодой офицер». Уинстон, удовлетворенный размером оплаты, огорчился согласием матери на «анонимность». А ведь он надеялся с помощью писем с «индийской границы» нажить «определенные политические выгоды», рассчитывая уже и на участие в парламентских выборах. Воспламененный желанием отличиться, Уинстон прослыл «охотником за медалями». Никакой медали он не обрел, но «за храбрость и решительность» был «отмечен в депешах», публиковавшихся в Англии. Для меня, откликнулся новоиспеченный воин, это замечательная «компенсация за все... Репутация личной отваги больше всего другого в мире отвечает моему честолюбию»*.

В Бангалоре, отложив до лучших времен окончание «Савролы», Черчилль принялся за составление книги о недавнем походе. Трудился он очень интенсивно и уже в канун 1898 г. отослал рукопись в Лондон, где леди Рэндольф достигла соглашения с известным издательством «Лонгманс». Через два месяца желающие могли приобрести книгу «Молодого офицера», которая в несколько приемов была отпечатана тиражом более 10 тыс. экземпляров.

Сочинение Черчилля содержало краткую предысторию событий, развернувшихся в пограничных горах с июля-августа 1897 г., и хронику всех столкновений с повстанцами. Книга была снабжена картами и фотоиллюстрациями. В первых главах преобладал довольно сухой перечень фактов, с шестой главы изложение давалось «с новой точки зрения» — появлялся автор-соучастник событий, описание схваток становилось более живым и эмоциональным; Уинстон Черчилль предстал перед читателем как занимательный рассказчик.

Автор «Повести о Малакандской армии» с уважением отнесся к противникам британских войск. Племена долины Мамунд

* Ibid., p. 343–344, 349.

«подтвердили репутацию мужества, тактического мастерства и меткости стрельбы». Но, касаясь причин конфликтов на границе, Черчилль преувеличивает роль «интриг» афганского эмира и «волны исламского фанатизма», охватившего под воздействием духовенства «все пограничные племена»*. Туземцы, утверждал он, игнорируют «свое варварство» и хотели бы и дальше пребывать в нем, не понимая и отвергая достижения цивилизации. А ведь Британия, решая собственные задачи, попутно несет сюда различные блага — спокойствие, конец грабегам и разбою, новоприобретенное богатство и комфорт... Британские власти вправе сокрушить противников самыми жестокими методами. «Племена Мамунд были сурово наказаны, — писал он. — Бригада продемонстрировала способность захватить и сжечь любой поселок... нанести тяжелый урон всем, кто пытался препятствовать ее акциям». Других возможностей не имелось — оставалось одно средство победить врагов: «их имущество следовало уничтожить»**.

Успех, признавал Черчилль, был достигнут дорогой ценой; убито и ранено около 300 офицеров и солдат. Но зато имперская власть утверждена. Черчилль задавался вопросом о том, в какой мере жертвы и расходы обеспечат «перманентный мир». Может быть, следует чаще прибегать к серебру, а не к стали, к деньгам, а не пулям? Он шел еще дальше, констатируя неизбежность новых пограничных столкновений. Ибо даже если только оборонять Индию, приходится вести экспансионистский курс, парируя, в частности, воинственность пограничных племен и замыслы соседних государств. Никакой «естественной границы» Британской Индии не существует, конкретный ход дел определяют не намерения руководителей, а сила обстоятельств. В статье «Этика пограничной политики», которую Черчилль написал немного позже и поместил в армейском журнале, он безапелляционно подчеркнул: военная необходимость в ближайшее время неизбежно поставит в повестку дня задачу оккупации Афганистана***.

Первая книга Черчилля привлекла к себе внимание — в высшем обществе Британии знали, кто такой «молодой офицер». Книгу прочитал сам премьер Солсбери, перелистал будущий

* *Churchill W. S. Frontiers and Wars. London, 1962, p. 28–30, 65, 71, 88, 125.*

** *Ibid.*, p. 82, 100, 110.

*** *United Service Magazine, 1898, August, p. 58.*

король Эдуард VII, она удостоилась благожелательных откликов в печати, причем иные из рецензентов указывали на зрелость суждений автора. Успех побудил лейтенанта крепко задуматься: не пора ли выйти в отставку и вернуться на родину?

Из метрополии в Судан и обратно

Современный исследователь «Упадка британской аристократии» Д. Кэннедин* берет под сомнение версию ряда биографов и самого Черчилля, согласно которой тот в молодости находился в крайне неблагоприятных условиях и лишь его собственные усилия, никем не поддержанные, обеспечили политический взлет и житейские достижения. Это не так. Долгое время Уинстон «бесстыдно эксплуатировал свои аристократические связи». История поездки Уинстона в Египет и Судан в 1898 г. подтверждает это резкое высказывание.

Получив длительный отпуск, Черчилль проводил летние месяцы этого года в Лондоне. К тому времени англо-египетская армия, вторгшаяся в Судан, приближалась к его столице Омдурману — ожидалось генеральное сражение**. Уинстон употребил все средства, чтобы примкнуть к победоносным войскам генерала Китченера. Как обычно, он «подключил» к хлопотам свою мать, но и ее «влияние и безграничная энергия» не помогли. Тогда Черчилль добился встречи с Солсбери, вырвав у него обещание посодействовать просимому назначению в один из полков, шедших на Хартум. Все ходатайства, однако, оказывались напрасными, поскольку заупрямился Китченер. Генерал не терпел журналистов, а тем более любого военного, бравшегося за перо. По наблюдению лорда Эшера, сам Китченер «ненавидел писаное слово», ничего не читал и не писал, отдавая устные приказы. И все же Уинстон добился своего, учтя полученную конфиденциальную информацию о недоброжелательном отношении высших военных руководителей в Лондоне к излишне напористому, жаждущему славы и наград командующему действующей армией. С помощью влиятельного генерала Э. Вуда Уинстон получил внеочередное

* *Cannadine D.* The Decline and Fall of the British Aristocracy. New Haven, 1990, p. 270.

** См.: *Виноградов К. Б.* Вверх по Нилу... На пути к Фашодскому кризису. Новая и новейшая история, 1998, № 5.

назначение временно заменить выбывшего лейтенанта 21-го уланского полка, приданного этой армии.

Перед тем как отправиться в Александрию, Уинстон договорился с редакцией столичной «Морнинг пост» — ее читала сама королева! — о будущих корреспонденциях. Гонорары теперь были предусмотрены на высоком уровне — по 15 фунтов стерлингов за колонку. Прибыв в Каир 2 августа 1898 г., посетив по дороге несколько храмов, он успел в конце месяца догнать свой новый полк недалеко от Омдурмана; «Я полон решимости повесить на грудь новое отличие», — писал он другу.

На исходе сражения под Омдурманом уланы — и среди них бывший гусар Черчилль — попали в самое пекло, оказавшись на пути отступавших махдистов; за несколько минут многие были убиты или ранены. Смертельной опасности еле избежал и Черчилль. Хладнокровие ему не изменило, а свой верный маузер он использовал весьма эффективно. 4 сентября он сообщал матери: «Наверняка застрелил 5 человек, а возможно и еще двух». Уинстон добавил, что совершил сие «с сожалением». Осознав, что гордиться тут нечем, в подробном письме полковнику Хамилтону Черчилль сократил число своих жертв — только трех убил «наверняка»*.

После Омдурмана улан быстро отослали на родину. Но и в Британии Черчилль задержался ненадолго — в декабре отплыл в Индию. Он уже твердо решил расстаться с армией. «Ежегодные расходы на обеды, спортивные и различные развлечения у кавалерийских офицеров составляли 600–700 фунтов», — говорилось в отчете официальной комиссии**. Джентльмен-офицер У. Черчилль не вылезал из долгов. Как литератор-журналист он зарабатывал куда больше, чем получал как младший офицер армии Ее Величества. Но для победы на выборах в палату общин нужна была солидная сумма: «надежный» избирательный округ стоил 1000 фунтов, да и «сомнительный» немногим меньше. А потом, став депутатом, надо было иметь немалые сбережения для безбедного существования: до 1911 г. депутатам в Англии никакого жалования не полагалось.

* 2S Churchill R. S. Op. cit., p. 400, 403.

** Report of Committee Appointed... to Inquire Into the Nature of the Expenses Incurred by Officers of the Army (Cd. 1421), 1903, p. 7–8.

В Индии Уинстон простился с товарищами-гусарами. Это была последняя в его жизни поездка в Индию.

На базе опубликованных в «Морнинг пост» корреспонденций Черчилль еще осенью 1898 г. начал писать новую книгу. Он решил сделать ее посолонднее, не ограничиваясь описанием заключительной стадии завоевания Судана. Для обширной исторической части привлечены были некоторые документы. В Каире Уинстон долго беседовал с лордом Кромером — специальным уполномоченным британского кабинета в Египте, фактически хозяином этой страны. Кромер между прочим представил его хедиву. В одном из писем Черчилль сравнивал последнего со школьником, полностью зависящим от учителя — английского «резидента».

Видимо, до встречи с Кромером Уинстон верил в популярную легенду о генерале Чарлзе Гордоне как жертве фанатиков-махдистов. По этой легенде генерал Гордон, возглавлявший в 80-е годы колониальную администрацию в Хартуме, был преисполнен самыми благородными намерениями, насаждал на берегах Нила цивилизацию и культуру. Теперь же пришлось констатировать, что тот, «абсолютно безнадешный» как политик, был еще и «сумасбродным, капризным, совершенно ненадежным»; генерал, — продолжал Черчилль, — имел «отвратительный характер, часто бывал пьян». Эта его оценка содержалась в письме к матери. Но Уинстон не дерзнул публично выступить против устоявшейся версии о деяниях Гордона в Судане. В своей книге «Речная война» он их фактически одобрял, пробуя заодно и в целом облагородить британское присутствие в долине Нила.

Понробойшим образом в этой работе, вышедшей в двух томах в 1899 г., автор рассказал о походе англо-египетских войск. Убедительно показал, что его успех гарантировало превосходство в вооружении и техническое обеспечение. Много страниц автор посвятил постройке железной дороги через Нубийскую пустыню, налаживанию коммуникаций.

Покорение Судана и обстоятельства победы под Омдурманом широко обсуждались в Великобритании — вплоть до запросов и дебатов в парламенте. Пацифистский журнал «Конкорд», еще две-три газеты осудили варварское избиение раненых на поле сражения. Преобладали однако попытки как-то оправдать это преступление. Журналист Дж. Стивене утверждал, что приказ Китченера об убийстве врагов диктовался необходимостью — ведь

раненый воин-махдист мог быстро выздороветь и снова поднять оружие против нас*.

Молодой Черчилль подобную лицемерную логику не признавал. Может быть, Китченер и выдающийся полководец, но не джентльмен, а победа на Ниле «обеспечена массовым убийством раненых, за которое ответственен Китченер». Так писал он не только леди Рэндольф; в статьях, напечатанных в «Морнинг пост», позиция сирдара (Китченера) также осуждалась.

После возвращения в Англию Уинстон быстро осознал, что его искренние эмоции не встречают сочувствия у «элиты». Черчилля упрекнули принц Уэльский и бабушка, герцогиня Мальборо. И Уинстон решил: «самую язвительную критику сирдара я смягчу или выброшу». Не ограничившись такой ревизией, он — подобно большинству других критиков — в «Речной войне» сфокусировал внимание на другом преступлении Китченера — надругательстве над останками Махди**. Здесь можно было чувствовать себя увереннее: за этот позорный поступок генерала резко обличали Дж. Морли, редактор «Манчестер гардиан», С. П. Скотт и другие.

Бесспорным достоинством первого издания «Речной войны» следует считать суждение автора о мотивах наступления на Хартум и отношении к нему самих суданцев. «Нам говорят, — писал он, — что британские и египетские войска вступили в Омдурман для освобождения народа» от гнета халифа... На деле же «никогда спасители не были столь нежелательны». Лицемерным назвал он довод апологетов экспансии о необходимости «наказать дервишей за их злодеяния», и даже популярный лозунг «отомстить за Гордона», полагал Черчилль, большой роли не играл, ибо первостепенная задача заключалась попросту в захвате территории Судана***. Британия — сильная нация, а все сильные державы добиваются завоеваний, она «не менее агрессивна, чем Рим или Ислам»****.

«Речная война» нашла своих читателей, и через три года понадобилось ее переиздание. Черчилль основательно перера-

* *Steeveiu G. W. With Kitchener to Khartum. London, 1899, p. 371–379.*

** После сражения при Омдурмане с санкции сирдара солдаты добивали раненых, уничтожали пленных; была разрушена и осквернена гробница Махди, а его останки выброшены в Нил.

*** *Churchill W. S. The River War, v. II. London, 1899, p. 394–396.*

**** *Churchill as Peacemaker, p. 61.*

ботал свое сочинение, учел совет Стивенса — поменьше «философских рефлексий», читатель из-за них «скучает». Вместо многостраничного двухтомника появился один, правда, довольно объемистый том. Автор к тому времени пошел и на более существенные изменения в отношении оценок и акцентов, он полностью изъясил вышеприведенные соображения о причинах интервенции в Судан и многие замечания в адрес Китченера, исчезла глава «После победы», в которой фигурировал череп Махди. Историк П. Менделсон, сопоставляя два издания, сурово заключал: оригинал 1899 г. и ревизованное издание «не являются одной и той же книгой, новый вариант “Речной войны” создает совсем фальшивое впечатление о Черчилле-писателе времен Суданской кампании»*. Эволюция воззрений Черчилля, а точнее, трактовки им имперской политики в бассейне Нила завершилась к 1906–1907 гг., когда он стал заместителем министра колоний. После поездки в Экваториальную Африку он опубликовал идиллическое описание достижений британских колонизаторов. В частности, выразил восхищение их «конструктивной деятельностью» в Судане**.

Вернемся к событиям конца 90-х годов. Работая над редактированием книги о Суданской кампании, Черчилль уже приспособился к обстановке в метрополии, где он предпринял первую попытку стать депутатом от торийской партии. Это случилось летом 1899 г., когда ему предложили баллотироваться на дополнительных выборах в Олдэме, небольшом городе, давнем центре текстильной промышленности Ланкашира.

По существовавшей системе, в этом округе избирались два депутата, один из них скончался, другого убедили сложить полномочия, и консерваторы выдвинули теперь вместе с молодым Уинстоном пожилого Джеймса Моудсли, секретаря Ланкаширского отделения тред-юниона прядильщиков. Получилось оригинальное сочетание: отпрыск старинного рода и «рабочий», почти «социалист»! В противовес либералы тоже выставили «сладкую парочку»: У. Ренсимен — из семьи судовладельцев и А. Эммот — из династии финансистов. Уинстон отмечал, что кандидаты либералов, крикливо критиковавшие «правительство богачей», вели избирательную кампанию,

* *Mendelsohn P. Op. cit.*, p. 133.

** 33 *Churchill W. S. My African Journey*. London, 1909, p. 118–124.

располагая куда большими средствами, чем «мой тредюнионистский друг и я»*.

Черчилль плохо представлял нужды и потребности жителей Олдэма. Об английских бедняках он знал понаслышке, лишь раз, при похоронах любимой няни, миссис Эверест, умершей в полной нищете, он непосредственно соприкоснулся с жестокой реальностью.

С детских лет Уинни любил говорить, его страсть рассказчика, вспоминали современники, не всегда встречала положительный отклик окружающих. И сам он признавался: «Я всегда жаждал произнести спич», но в гусарском полку практиковаться не удавалось. Будущий великий оратор XX в. еще только учился красноречию. Он даже написал специальное эссе об искусстве риторики. Когда в 1898 г. ему выпал случай выступить с речью на митинге тори в Бредфорде, он готовился с величайшей тщательностью, заучивая наизусть целые пассажи. В романе «Саврола» герой откровенен: без усилий ничего не дается, напрасно слушатели верят в импровизации, «цветы риторики выращиваются в теплице».

В Олдэме Уинстон произносил одну речь за другой. 2 июля он сообщал Памеле Плауден, что накануне выступал восемь раз! В его излияниях преобладали общие места. Конечно, он считал главной целью нынешнего кабинета улучшение условий британского народа, выступал за «торийскую демократию», но против гомруля для Ирландии. Пробуя учесть местные особенности — преобладание нонконформистов среди верующих — Черчилль рискнул отмежеваться от внесенного тогда кабинетом билля в пользу англиканской церкви и «церковных школ»... Но и это не помогло. На выборах 6 июля 1899 г. кандидаты либералов заняли два первых места. Уинстон финишировал только третьим, набрав на 1500 голосов меньше ставшего первым Эммота. Утешая провалившегося претендента, заместитель торийского премьер-министра Бальфур выразил уверенность, что фортуна ему еще улыбнется. Черчилль и сам понимал, что нетерпение побудило его пойти по неподготовленному пути; для парламентской карьеры все еще не доставало и финансовой базы.

* *Churchill W. S. My Early Life*, p. 229. Позже Ренсимен и Черчилль стали министрами в правительстве Асквита, а через 40 лет снова жарко спорили: Ренсимен примкнул к «умиротворителям» Гитлера.

Уинстон снова оказался на распутье. Но в сентябре 1899 г. на очень выгодных условиях оплаты он еще раз завербовался корреспондентом «Морнинг пост». Предстоял вояж в Южную Африку, где вот-вот ожидалось открытие боевых действий между Великобританией и бурскими государствами.

Плен и бегство. Национальный герой

Возникновение англо-бурской войны досконально изучено учеными разных стран и поколений. Ныне даже консервативные английские историки не отрицают провокационный характер курса правительства Солсбери и верховного комиссара в Кейптауне А. Милнера, его нацеленность на уничтожение независимости двух республик. Отправка значительных британских воинских контингентов в Южную Африку, начавшаяся с конца лета 1899 г., побудила буров самим предъявить ультиматум и объявить войну. 12 октября прогремели первые залпы, а 14 октября Черчилль отплыл из Саутхемптона на пароходе, на котором разместились и назначенный командующим генерал Р. Баллер со своим штабом. Только 31 октября корабль пришвартовался в Кейптауне. Уинстон трезво взглянул на создавшуюся здесь обстановку: «Мы явно недооценили военную силу и дух буров». Он предрекал: впереди жестокая и кровавая борьба, в которой лишатся жизни десять или двадцать тысяч*.

Из Кейптауна Черчилль немедленно устремился в провинцию Наталь. Там наступавшие буры окружили в Лэдисмите одиннадцатитысячный корпус генерала Дж. Уайта. Уинстон добрался до городка Эсткурт, где находился отряд пехоты, располагавший бронепоездом. Через пару дней он совершил первую поездку на этом бронепоезде в направлении Лэдисмита, прошедшую без инцидентов. Вторая рекогносцировка оказалась более драматичной.

Ранним дождливым утром 15 ноября Уинстон снова был в бронепоезде вместе с небольшим отрядом капитана А. Холдейна. Кроме паровоза, состав насчитывал 6 вагонов, бронированных только по сторонам. Когда поезд дошел до станции Фрер, англичане обнаружили, что бурская кавалерия заходит им в тыл. Они

* Черчилль — леди Рэндольф, 3 ноября 1899 г. — *Churchill R. S. Op. cit.*, p. 445.

двинулись обратно, были обстреляны, поезд сошел с рельсов, несколько вагонов опрокинулось. Положение стало критическим. Уинстон не потерял присутствие духа, подбадривая солдат и машиниста паровоза, он под огнем принял деятельное участие в ремонте пути и переноске раненых в локомотив, который и направился в Эсткурт. Большинство попавших в ловушку британцев кое-как отстреливалось, к ним, спрыгнув в последний момент с паровоза, присоединился и Черчилль.

Локомотив с ранеными вернулся в Эсткурт. Журналист Б. Аткинс тут же записал: Черчилля среди прибывших нет, «на редкость боевитый, отчаянный солдат». Это приключение, «если он переживет эти опасные дни, которых не было и у отца, открывает ему дорогу в парламент»*.

Ценой минимальных потерь буры в схватке возле Фрера взяли в плен 75 англичан, их командира Холдейна и журналиста Черчилля. Обстоятельства пленения последнего описывались многократно, причем сам пострадавший упорно придерживался версии, будто он сдался генералу Льюису Бота, ставшему потом бурским главнокомандующим и крупнейшим лидером Южной Африки времен первой мировой войны. «Если бы я не оставил свой маузер в локомотиве, — писал Черчилль, — я бы мог застрелить его. И он, если бы я не сдался — мог меня прикончить». В обоих случаях, по словам Черчилля, судьба Южной Африки, а также и Великобритании, сложилась бы иначе**.

Легенда о том, что два выдающихся деятеля «познакомились» между собой «на поле брани», опровергнута сравнительно недавно. На самом деле Уинстона пленил фельдкорнет С. Оостхойзен, погибший в 1900 г. В рапорте о стычке 15 ноября, в частности, говорилось: «Только, когда он (Оостхойзен. — К. В., Е. Ш.) прицелился, он (Черчилль. — К. В., Е. Ш.) сдался»***.

Всех пленных препроводили в Преторию и поместили в одной из школ в импровизированной тюрьме. Еще по пути туда Черчилль начал требовать освобождения как журналист. Командир буров: «Вы сын лорда Рэндольфа Черчилля?» — «Я корреспондент газеты, и вы не должны брать меня в плен!» — «О! Мы не каждый день ловим лордов».

* *Atkins I. B. The Relief of Ladysmith. London, 1900, p. 75–76.*

** *Churchill W. S. Thoughts and Adventures. London, 1932, p. 14–16.*

*** *Churchill as Peacemaker, p. 133–14.*

Во время боя Уинстон не стрелял, но буры видели его энергичное вмешательство в ход событий: о подвигах молодого репортера писали газеты Дурбана, попавшие потом и в Преторию. Штатскому лицу, даже если он не использует оружие, в такой ситуации грозил военно-полевой суд. Дело дошло до президента Крюгера, советник которого, будущий британский фельдмаршал Я. Сметс посоветовал отпустить Черчилля. На это буры не пошли; не помог Уинстону и консул США в Претории, считавший Англию зачинщиком войны.

Потянулись томительные дни тюремной жизни, для офицеров, впрочем, комфортабельной. Несколько раз Уинстона навещали военный министр и другие бурские руководители. Судя по воспоминаниям Черчилля, он вел назидательные беседы, «опровергая» имевшиеся у них опасения уравнивания черных в правах с белыми в случае британской победы. В камере Уинстон читал классическое — весьма отвечающее обстановке — сочинение «О свободе» Дж. Милля, писал статьи для газеты, напрасно убеждая посетителей пересылать их в Лондон. Быстро освоившись, он начал изыскивать шансы на бегство из заключения, благо режим тут не отличался особой строгостью. Кроме него, к побегу готовились Холдейн и еще один офицер, А. Броки. Последний знал местные языки. Первую попытку бежать, намеченную на 11 декабря, пришлось отложить, а 13 декабря побег удался одному Черчиллю*.

Оказавшись на улицах Претории на свободе, Уинстон направился на восток — целью стал Мозамбик, португальская колония. Но «как мог я один без знания местности, без карты, без компаса пройти 300 миль до границы?». Добавим — и без знания голландского языка. Его положение осложнялось и тем, что власти, явно взбешенные «таким пассажем», организовали поиски и назначили награду в 25 фунтов стерлингов за поимку беглеца, «живого или мертвого». Уинстону неслыханно повезло. Сначала в темноте он забрался в пустой угольный вагон поезда, следовавшего по железной дороге к Мозамбику (Преторию эта трасса связывала с Лоренсо-Маркешем, портом на Индийском

* Черчилль оставил отменно вежливое, но не лишённое язвительности послание на имя военного министра Трансвааля (*Churchill W. S. Frontiers and Wars*, p. 400–401). Холдейн и Броки позже также бежали из Претории, проделав замысловатый и долгий путь через Свазиленд, они достигли Мозамбика. Но их приключения — после сенсационного бегства Черчилля — не привлекли большого внимания.

океане). На рассвете он выбрался из него, оказавшись в 75 милях от бурской столицы, но еще очень далеко от границы. Тут счастье еще шире улыбнулось Черчиллю, натолкнувшись на готового помочь соотечественника Джона Хоуарда. Тот был чуть ли не единственным оставшимся в целом регионе британцем и к тому же владельцем ранчо и шахты. На дне последней Уинстон и пробыл более двух суток. Здесь его кормили и поили, а потом втолкнули в грузовой вагон шедшего на восток поезда, спрятав в кипу хлопка и снабдив револьвером, жареным цыпленком и бутылкой чая. Револьвер не пригодился, поезд пересек границу, и 19 декабря беглец оказался в Лоренсо-Маркеше. Отправившись сразу к британскому консулу, он вскоре же отплыл в Дурбан.

Вместе с Черчиллем в Эсткурте в день пленения находился корреспондент «Таймс» Л. Эмери, позже ставший известным политиком. Он проспал отправление бронепоезда. Через много лет Уинстон не без ехидства говорил ему: «Если бы я не встал рано, я не попал бы в плен. Если бы не попал, то не мог бы бежать. А мой плен и побег дали мне материал для лекций и книги, принесших достаточно денег, чтобы попасть в парламент в 1900 г., за 10 лет до Вас»*. Но прежде чем пришло материальное благополучие, в честь Уинстона громко запели медные трубы славы. В Натале героя встречала огромная толпа, на родине пресса всех направлений и оттенков откликнулась восторженными статьями. Такой пристальный интерес к персоне молодого журналиста — ему только что «стукнуло» двадцать пять! — в значительной мере объяснялся ходом военных операций. Именно в декабре 1899 г. — английские войска почти одновременно потерпели тяжелые поражения на всех трех главных направлениях. В том числе и Баллер на реке Тугела, потерявший свыше 1 тыс. убитыми и ранеными. Командующий телеграфировал после этого в Лондон о невозможности деблокировать Лэдисмит, а генералу Уайту разрешил капитулировать (тот, однако, отказался). И вот на финише этой «черной недели» вдруг вспыхнула маленькая звездочка успеха — явление лихого военного журналиста, уже ранее отличившегося и в боях. «В Дурбане, — вспоминал Черчилль, — меня приветствовали как если бы я выиграл большое сражение». Романтические приключения Уинстона взволновали общественность и за пределами Британии. Так, петербургское

* Цит. по: *Mendelsohn P. Op. cit.*, p. 147.

«Новое время», именуя его поручиком и лордом, преподнесло следующее резюме: «Если бы у англичан было побольше таких офицеров и солдат, как поручик Черчилль, то они, вероятно, не несли таких тяжелых поражений»*.

Купаясь в лучах известности — о его деяниях Милнер даже отправил в Лондон официальную депешу, — Черчилль стремился «развить успех»: почти каждый день он отправлял в «Морнинг пост» телеграммы, подчас пространные. Конечно, его рассказ о бегстве, особенно интересовавший читателей, не соответствовал истине. Не желая даже намекать на полученную неожиданную помощь от Хоуарда и его близких, он представил дело так: «днем я скрывался, ночью путешествовал» и питался припасенными шоколадками**.

Давно присущая Уинстону самоуверенность пышно расцвела в его корреспонденциях. Ссылаясь на беседы с бурскими лидерами и собранную информацию, он подчеркивал, что Трансвааль добывается новых территорий (Наталя, Кимберли) и ожидает предложений о мире со стороны Британии. «Придется признать, — продолжал он, — что мы вступили в бой с грозным и страшным противником». Экс-лейтенант знал, однако, рецепт победы. Наступать надо не колоннами по 25 тыс. человек, так как это ведет лишь к «чувствительным потерям», а «двинуть против них несметные полчища»: 80 тыс., 150 орудий, приплюсвав «нерегулярные войска»***. Приобретенная сверхпопулярность не избавила Черчилля от критики. Не понравилось его наблюдение — «бур стоит трех-пяти английских солдат», да и тон поучений молодого дилетанта вызвал возражения. Газета «Морнинг лидер» саркастически сообщала: нам не удалось пока удостовериться в правильности информации, согласно которой военный министр «назначил Уинстона Черчилля командующим в Южной Африке».

Между тем военное руководство и кабинет Великобритании фактически с конца декабря вступили на тот путь, который рекомендовал Черчилль: в Южную Африку из метрополии, доминионов и колоний направились многотысячные подкрепления, включавшие и необстрелянных юнцов-волонтеров. (Среди

* Новое время, 15 (17) декабря 1899 г.

** Новое время, 20 декабря 1899 г. — 1 января 1900 г.

*** Цит. по: Новое время, 22 декабря 1899 г. — 3 января 1900 г.

последних оказался и Джек Черчилль. Он был ранен в первом же бою 12 февраля на реке Тугела.) Туда же плыла военная техника. И новый командующий — седобородый, маленького роста фельдмаршал Робертс вместе с начальником штаба высокорослым гигантом генералом Китченером.

Не дожидаясь прибытия в Кейптаун своего могущественного врага, Уинстон в ходе длительных бесед с Баллером попросился в действующую армию. После Суданского похода Китченер добился специального решения, запрещавшего военным заниматься журналистикой. Черчилль вовсе не собирался прекращать прибыльное сотрудничество с лондонской газетой, он сумел уговорить Баллера сделать для него исключение. И вот он опять лейтенант, служит в новой Южноафриканской легкой кавалерийской бригаде сверхштатным адъютантом ее командира! Необременительные обязанности, много свободного времени и возможностей быть в курсе событий: «Я прикрепил перо местной птицы к моей шляпе и зажил самой счастливой жизнью»*.

В январе 1900 г. бригада в составе армии Баллера участвовала в кровопролитных сражениях в зоне Тугелы. Цель у англичан оставалась прежней — вызволить Лэдисмит из окружения. Две их очередные попытки форсировать реку и занять высоты к западу от Колензо провалились; несколько тысяч британцев было убито и ранено. В книге «Из Лондона в Лэдисмит» Черчилль подробно описал эти бои, высоко оценив действия командного состава наступавших войск. А позже он резко отозвался о прямолинейной тактике Баллера и его явных промахах: генерал, по утверждению Черчилля, плохо знал местность, был не в ладах с картой и не подозревал, что расположенная к востоку от Колензо гора Монте-Кристо и смежные холмы находятся с южной (британской) стороны Тугелы. Овладев ими, англичане обеспечили прорыв к Лэдисмиту**. Главная причина конечного успеха Баллера — о ней Черчилль лишь бегло упоминал — заключалась в достигнутом к февралю большом перевесе в живой силе и технике, усугубленному тем, что бурскому командованию пришлось снять с этого фронта несколько частей из-за ухудшившейся обстановки на других направлениях. В конце февраля буры отступили от Лэдисмита, мужественные защитники которого горячо приветство-

* Churchill W. My Early Life, p. 313.

** Ibid., p. 315–334.

вали товарищей, пришедших к ним на помощь. А напористому лейтенанту-журналисту удалось, опередив коллег, первым взять интервью у командующего корпусом генерала Уайта!

После визита в Кейптаун, куда его приглашал Милнер, Уинстон вернулся в свою бригаду, приданную большой группировке, наступавшей на столицу Оранжевой республики Блумфонтейн. На равнине буры не смогли надолго сдержать продвижение противника, и англичане быстро оккупировали все крупные города Оранжевой. Настала очередь Трансвааля.

Весной 1900 г. бургские войска продолжали отступление и главным врагом для британцев на время стала эпидемия тифа. Теперь Черчилль воевал в кавалерийской дивизии. Дух приключений и мальчишеская дерзость не покидали его. При взятии Йоганнесбурга он вызвался доставить депешу генерала Хамилтона в ставку Робертса на велосипеде, переодевшись в штатское. Часть города еще оставалась под контролем буров. На улицах, вспоминал Уинстон, находилось много вооруженных людей, если бы меня схватили, расстрел был бы вполне вероятен*. Но все обошлось. Уинстон родился под счастливой звездой.

Через несколько дней, 5 июня, британцы вступили и в Преторию. Казалось, война заканчивается. Черчилль счел свою миссию в Южной Африке завершенной. Тем более что у него имелись сведения о предстоявшем досрочном роспуске палаты общин и новых выборах. Он обязательно примет в них участие и победит!

* Ibid., p. 355–356.